

УДК 347.42

**ВЗЫСКАНИЕ УПУЩЕННОЙ ВЫГОДЫ В СФЕРЕ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ:
ПОДХОДЫ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ**

© 2020 г.

*Н.Е. Сосипатрова,¹ О.В. Кораблева²*¹Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород²ООО «Азимут-НН», Н. Новгород

sosipatrova@yandex.ru

Поступила в редакцию 01.04.2020

Практика взыскания упущенной выгоды, прежде всего в вопросах определения ее размера и установления причинной связи между правонарушением и убытками, противоречива и неустойчива. Несмотря на изменения ст. 393 ГК РФ и ее толкование Верховным Судом РФ, направленные на упрощение взыскания упущенной выгоды, до сих пор некоторые суды неоправданно завышают стандарт доказывания не полученных истцом доходов и определения их размера. В статье анализируется правоприменительная практика последних лет, отражающая как новый подход к возмещению упущенной выгоды, так и устоявшееся ранее представление судей по данной категории споров. Делается вывод, что требование абсолютной достоверности в доказывании упущенной выгоды не соответствует официальной позиции Верховного Суда РФ и не способствует стабильности гражданского оборота.

Ключевые слова: упущенная выгода, причинная связь, размер упущенной выгоды, стандарт доказывания, разумная степень достоверности.

Возмещение убытков является универсальной и наиболее распространенной формой гражданско-правовой ответственности, направленной на восстановление имущественной сферы кредитора за счет имущества должника. Провозглашая принцип полного возмещения убытков, законодатель определил их состав. В силу п. 2 ст. 15 Гражданского кодекса Российской Федерации [1] (далее – ГК РФ) под убытками понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода).

Относительно возмещения реального ущерба сложилась определенная судебная практика, чего нельзя сказать об упущенной выгоде. Практика ее взыскания пока противоречива и неустойчива, прежде всего в вопросах определения ее размера и установления причинной связи между правонарушением и данным видом убытков. Это превращает реализацию принципа полного возмещения убытков в общетеоретический постулат, далекий от его реального воплощения. Обратимся к анализу практики разрешения споров о взыскании упущенной выгоды в сфере предпринимательских отношений с целью выявления актуальных вопросов, возникающих в процессе правоприменения.

Согласно рамочному соглашению, заключенному в 2010 году, производственно-дистрибьюторская корпорация ЗАО «БИОТЭК» обязалась в течение пяти лет покупать для распространения в Российской Федерации исключительно у компании Teva Pharmaceutical Industries Limited (далее – компания «Тева») фармацевтический препарат Сорахоне-Тева. В соответствии со сложившейся коммерческой практикой стороны ежегодно заключали соглашения, по которым в целях увеличения объема продаж компания «Тева» выплачивала покупателю определенные бонусы (16.5%) от общей суммы выставленных счетов. Иными словами, по результатам реализации фармацевтического препарата ЗАО «БИОТЭК» получало вышеуказанные бонусы (доходы) от суммы продажи.

После направления в 2013 году компании «Тева» заявки на поставку препарата ЗАО «БИОТЭК» направило ряд заявок на участие в аукционах на право заключения государственных контрактов на поставку Сорахоне-Тева. Однако компания «Тева», создавшая в России дочернее предприятие (ООО «Тева»), заключила с ней в этом же году договор поставки и начала через нее распространять свою продукцию. Это привело к игнорированию компанией заказов ЗАО «БИОТЭК» и уклонению (без указания мотивов) от заключения с ним контрактов на поставки, в результате чего покупатель вынужден был отозвать заявки на участие в государственных закупках. Победителем аукциона, в котором не смогло принять участие ЗАО

«БИОТЭК», стал единственным его участник – дочерняя компания ответчика ООО «Тева».

Федеральная антимонопольная служба не оставила данные действия без внимания и признала действия (бездействия) компании «Тева», выразившиеся в необоснованном отказе от заключения с ЗАО «БИОТЭК» договора на поставку фармацевтического препарата, нарушающими требования п. 5 ч. 1 ст. 10 федерального закона «О защите конкуренции» [2].

Вышеуказанные обстоятельства стали причиной обращения ЗАО «БИОТЭК» в суд с требованием о взыскании с компании «Тева» убытков в виде упущенной выгоды. Расчет суммы убытков был обоснован тем, что дочернее предприятие ответчика, получив по договору поставки от компании «Тева» фармацевтический препарат Сораконе-Тева, реализовало его на сумму 2 475 000 000 рублей, таким образом если бы право истца на заключение договора поставки не было нарушено, он в соответствии с ранее заключенным бонусным соглашением мог бы получить прибыль в размере 16.5% от суммы заключенного ответчиком контракта (то есть 408 375 000 рублей).

Решением Арбитражного суда г. Москвы, оставленным в силе апелляционной инстанцией, требования истца признаны обоснованными и подлежащими удовлетворению [3]. Суд кассационной инстанции отменил вынесенные ранее судебные акты и принял решение отказать во взыскании упущенной выгоды на том основании, что истец не доказал упущенную выгоду, в особенности тот факт, что возможность ее получения была реальной. Не отрицая нарушения ответчиком антимонопольного законодательства, суд в своем постановлении отметил, что компания «Тева» имела право поставить фармацевтический препарат дочерней компании. В таком случае на торгах участвовали бы обе компании-распространителя и определенно установить, кто бы выиграл торги, нельзя. Таким образом, упущенная выгода не может считаться доказанной, так же как и причинно-следственная связь между правонарушением и убытками [4].

Верховный Суд РФ, отменяя постановление кассационной инстанции, указал на ошибочность ее суждения о том, что истец не представил доказательств причинения ему вреда и не доказал размера упущенной выгоды. В своем определении по делу Верховный Суд РФ отметил, что истец, добросовестно исполнявший обязательство, вправе был рассчитывать на встречное добросовестное исполнение его контрагентом, который, в свою очередь, без указания причин отказался поставлять истцу

продукцию, причинив ему тем самым убытки. Их размер является обоснованным, поскольку в связи со сложившимися в течение нескольких лет между сторонами отношениями на основании контрактов на поставку и распространение фармацевтического препарата, а также бонусных соглашений к контрактам истец получал доход в размере не менее 16.5% стоимости поставленного по контракту продукта [5].

Изложенный выше спор показывает, что оценка причинно-следственной связи в значительной степени носит субъективный характер. Из четырех судебных инстанций, рассматривавших дело, лишь одна не усмотрела наличия причинной связи между неосновательным отказом в поставке продукции поставщиком и не полученными в связи с этим доходами покупателем. Заметим, что в позиции кассационного суда есть определенная логика: если бы в аукционе на заключение государственного контракта на поставку участвовали две организации, то определить, какая из них выиграла бы, не представляется возможным, значит, по мнению суда, необходимая для присуждения к возмещению убытков причинная связь отсутствует.

Действительно, объективная причинно-следственная связь между правонарушением и убытками должна существовать, однако доказать ее с абсолютной достоверностью при взыскании упущенной выгоды практически невозможно. Сам вид этих убытков определяется в сослагательном наклонении («доходы, которые лицо получило бы...»), что допускает некоторую неопределенность, предположительность в неполученных доходах. Видимо, поэтому судебная практика до недавнего времени весьма осторожно относилась к взысканию упущенной выгоды при нарушении договорных обязательств. Заметные изменения в этой тенденции наметились в связи с принятием Верховным Судом РФ Постановления Пленума от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» [6], в котором отражена принципиально важная позиция высшей судебной инстанции страны по данному вопросу. Она состоит в том, что причинная связь между неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства должником и убытками должна быть доказана *с разумной степенью достоверности* (выделено авторами) (ч. 1 п. 5 постановления Пленума). Под разумной степенью достоверности следует понимать характерный для гражданских споров стандарт доказывания «баланс вероятностей». Иначе говоря, для того чтобы доказать наличие причинной связи, истцу

достаточно убедить суд в том, что наличие причинной связи между нарушением и убытками более вероятно, чем ее отсутствие [7, с. 642–643]. При этом ответчик, конечно, не лишен возможности представить доказательства существования иной причины возникновения убытков.

В том же постановлении Пленум Верховного Суда РФ дал важный ориентир для установления причинной связи между нарушением обязательства и убытками – это последствия, к которым могло привести рассматриваемое правонарушение *при обычных условиях гражданского оборота* (выделено авторами). «Если возникновение убытков... является обычным последствием допущенного должником нарушения обязательства, то наличие причинной связи между нарушением и доказанными кредитором убытками предполагается» (ч. 2 п. 5). Данный критерий направлен на облегчение установления причинной связи в спорах о возмещении убытков, однако даже после принятия Пленумом Верховного Суда РФ названного выше постановления единообразия в правоприменительной практике по этому вопросу не наблюдается.

ООО «Арт ПикчерсГруп ТВ» (далее – Кинокомпания) заключило с Департаментом средств массовой информации и рекламы г. Москвы (далее – Департамент) соглашение о сотрудничестве, предусматривающее обязанность Департамента предоставлять Кинокомпанию право на использование готовых аудиовизуальных произведений и/или исходных материалов к ним (телефильмов), созданных в рамках городских целевых программ, определенных данным соглашением и прилагаемым к нему лицензионным договором, а также при создании новых телефильмов сообщать об этом Кинокомпанию и предоставить право на их использование, заключив дополнительное соглашение к лицензионному договору.

В нарушение условий соглашения Департамент не передал Кинокомпанию права на 15 новых телефильмов, что стало основанием для обращения в суд с иском о взыскании с ответчика неполученного дохода от реализации прав на использование указанных телефильмов. В обоснование размера упущенной выгоды истец представил заключение эксперта об оценке рыночной стоимости упущенной выгоды от использования спорных телефильмов, в основу которого положены данные о полученных Кинокомпанией доходах от использования других телефильмов в рамках соглашения с Департаментом.

Исковые требования были удовлетворены решением Арбитражного суда г. Москвы [8], впоследствии поддержанным Девятым арбитражным апелляционным судом [9] и Судом по интеллектуальным правам [10].

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ, рассмотрев кассационную жалобу Департамента, отменила все ранее вынесенные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение, указав, что заключение эксперта основывается на данных о полученных доходах от использования других телефильмов и не содержит указаний на заключенные истцом договоры, произведенные оплаты и иные документы, подтверждающие создание реальных условий для получения доходов в заявленном размере.

Кроме того, Верховным Судом РФ было отмечено, что соглашение о сотрудничестве между Кинокомпанией и Департаментом предусматривало при передаче прав на новые фильмы заключение дополнительных соглашений, уточняющих название фильмов, их хронометраж, количество серий и другие данные, чего в отношении спорных 15 телефильмов не было сделано. Само по себе соглашение о передаче прав на телефильмы не является документом, «подтверждающим неизбежность получения истцом дохода и совершение им необходимых приготовлений» [11]. При новом рассмотрении дела Арбитражный суд г. Москвы отказал в удовлетворении исковых требований Кинокомпания о взыскании упущенной выгоды, отметив, что единственным доказательством размера убытков является заключение эксперта, при этом оно не содержит документов, подтверждающих создание истцом реальных условий для получения доходов в заявленном размере [12].

Нетрудно заметить определенное сходство ситуаций в изложенных выше материалах двух дел. В том и другом случае стороны были связаны рамочными соглашениями, определяющими общие условия обязательственных взаимоотношений сторон, которые подлежали конкретизации путем подачи заявок на поставку фармацевтического препарата в первом случае и дополнительных соглашений, уточняющих название телефильмов и другие данные, во втором деле. И в том, и в другом случае ответчик нарушил условие рамочного договора (поставщик отказал в поставке фармацевтического препарата, а Департамент не передал права на использование 15 новых телефильмов), однако вопрос о взыскании упущенной выгоды, понесенной контрагентом, в конечном итоге решен по-разному. Покупатель, не участвовавший в аукционе, признан понесшим убытки из-за отказа в поставке ему продукции, то есть факт неполученных им доходов и их размер были признаны доказанными с разумной степенью достоверности. В то же время Кинокомпания, которая, реализуя свои права лицензиата в те-

чение нескольких лет и получая при этом подтвержденный экспертом доход, лишилась возможности его получения в связи с нарушением контрагентом рамочного соглашения, в итоге было отказано во взыскании упущенной выгоды. Ссылка суда на то, что в отношении 15 спорных телефильмов не было заключено дополнительное соглашение с ответчиком и не были представлены доказательства приготовления истца к использованию данных фильмов, не представляется убедительным основанием для отказа в возмещении упущенной выгоды. Каким образом истец мог заключить дополнительное соглашение о предоставлении права использования спорных телефильмов или, тем более, делать приготовления к их использованию, если Департамент не сообщил ему о создании 15 новых фильмов, не предоставил возможности получить право на их использование? Что касается обоснования размера упущенной выгоды, то в первом случае суд принял во внимание доходы, полученные от реализации фармацевтического препарата другим лицом (дочерним предприятием ответчика), а во втором – отверг заключение эксперта о доходах самого истца от использования телефильмов, представленных ответчиком в предыдущие годы.

Позиция суда в споре между Кинокомпанией и Департаментом вызывает сомнение в согласованности ее со ст. 393 ГК РФ и толкованием, данным в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [13]. В указанном постановлении Пленума было отмечено, что расчет упущенной выгоды, как правило, является приблизительным и носит вероятностный характер. Это обстоятельство само по себе не может служить основанием для отказа в иске (п. 14). Норма п. 5 ст. 393 ГК РФ также не допускает отказа суда в возмещении убытков, причиненных неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства, только на том основании, что их размер не может быть установлен с разумной степенью достоверности. В этом случае размер убытков определяется судом с учетом всех обстоятельств дела исходя из принципов справедливости и соразмерности ответственности допущенному нарушению обязательства.

Несмотря на то что ст. 393 ГК РФ в редакции Федерального закона от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ [14] и ее толкование Пленумом Верховного Суда РФ в 2015 и 2016 годах были направлены на облегчение доказательства упущенной выгоды, на изменение негативной тенденции судебной практики отказа во взыскании упущенной вы-

годы, правоприменители нередко по-прежнему принимают решения о неосновательном отказе в удовлетворении соответствующих требований. При этом суды, опираясь на п. 4 ст. 393 ГК РФ, обычно требуют от истца доказательства принятых мер для получения упущенной выгоды и сделанных с этой целью приготовлений, чаще всего – заключенных договоров, во исполнение которых можно было получить искомую сумму. При их отсутствии возникает вероятность отказа в удовлетворении иска.

Некоммерческое партнерство «Центр сертификации «Респект» обратилось в суд с требованием о взыскании убытков в виде упущенной выгоды, причиненных в результате издания Федеральной службой по аккредитации (Росаккредитация) незаконных приказов (что было подтверждено впоследствии решением арбитражного суда) о приостановлении аккредитации НП «Респект», которое занималось сертификацией продукции автомобилестроения. Поскольку в течение 237 календарных дней истец был лишен возможности заниматься профессиональной деятельностью, у него возникли убытки в виде упущенной выгоды, размер которых подтвержден бухгалтерской отчетностью НП «Респект» за период, предшествовавший приостановлению его деятельности, а также соответствующими документами по сходным юридическим лицам.

Суд счел недоказанными ни сам факт причинения убытков, ни их размер и отказал в иске. В решении по делу было отмечено, что «представленный истцом расчет возможного (предполагаемого) дохода за 9 месяцев от размера полученного дохода в предшествовавшем году за тот же период не может являться допустимым реальным доказательством, представленные истцом расчеты невозможно проверить, и как следствие того – определить необходимое количество сведений (количество клиентов, экономический спрос на услуги истца и т.д.), достоверно подтверждающих убытки истца» [15]. Суды апелляционной [16] и кассационной [17] инстанций, рассмотрев жалобу НП «Респект», согласились с вынесенным решением, указав в постановлении, что фактические обстоятельства, имеющие значение для дела, установлены судом на основании полного, всестороннего и объективного исследования имеющихся в деле доказательств. Им дана надлежащая правовая оценка. Окончательные выводы суда основаны на правильном применении норм материального и процессуального права.

Проведенное судом исследование представленных истцом доказательств наличия упущенной выгоды трудно назвать объективным, а

выводы судов трех инстанций – согласованными с материально-правовыми нормами ст. 15 и ст. 393 ГК РФ. Причинная связь между незаконными приказами Федеральной службы по аккредитации, приостановившими деятельность истца, и убытками, вызванными простоем в его деятельности, легко усматривается. Последствия незаконных действий Росаккредитации имели не отдаленный, трудно прогнозируемый характер, а были вполне прогнозируемы и доказаны с разумной степенью достоверности, то есть, исходя из «баланса вероятностей», незаконные приказы скорее должны были вызвать наличие убытков, чем не повлечь их. Что касается размера упущенной выгоды, то вывод суда о том, что ее расчет не является допустимым доказательством, поскольку его невозможно проверить, прямо противоречит разъяснению, данному в ч. 3 п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда от 24 марта 2016 г. № 7 о том, «что расчет упущенной выгоды может производиться на основе данных о прибыли истца за аналогичный период времени до правонарушения и/или после того, как это нарушение было прекращено».

Правоприменительная практика знает и иные примеры толкования и применения норм о возмещении упущенной выгоды. Так, суд Московской области удовлетворил требование заказчика о возмещении убытков (в том числе упущенной выгоды), вызванных досрочным расторжением договора на изготовление рекламных конструкций в связи с нарушением изготовителем сроков выполнения работ. В обоснование упущенной выгоды истец указал на то, что при надлежащем исполнении ответчиком обязательства по изготовлению рекламных конструкций истец мог бы извлекать прибыль от сдачи в аренду поверхности данных конструкций. В качестве доказательства, подтверждающего с разумной степенью достоверности возможность получения прибыли, был представлен договор, заключенный истцом с администрацией городского округа Химки на право установки и размещения рекламных конструкций и систематическое внесение платы по нему. Расчет упущенной выгоды был произведен исходя из стоимости аренды рекламных конструкций на территории данного округа [18].

Как видно из проведенного исследования, внесенные в 2015 году изменения в ст. 393 ГК РФ и последующие разъяснения новых законодательных положений, данные Верховным Судом РФ, базируются на том, что абсолютной определенности при взыскании упущенной выгоды не требуется. Достаточно исходить из разумной степени ее достоверности и учитывать

последствия, к которым могло привести подобное нарушение в обычных условиях гражданского оборота (то есть применять «абстрактный» метод исчисления убытков). Кроме того, в силу п. 5 ст. 393 ГК РФ, если размер убытков не может быть установлен с разумной степенью достоверности, их размер определяется судом с учетом всех обстоятельств дела исходя из принципов справедливости и соразмерности ответственности допущенному нарушению обязательству. Данная норма, впервые появившаяся в российском гражданском праве в 2015 году, стала использоваться в судебной практике [19], хотя широкого применения пока не нашла. Более того, суды не только не стараются взять на себя инициативу в расчете упущенной выгоды в ситуации, когда истец не в состоянии доказать ее точный размер, но и во многих случаях, следуя устоявшимся ранее подходам к взысканию упущенной выгоды, неоправданно завышают стандарт доказывания, требуя абсолютной достоверности в возможности получения истцом доходов и определения их размера. Такой подход не соответствует официальной позиции высшей судебной инстанции страны, снижает уровень правовой защищенности пострадавшей стороны и не способствует стабильности гражданского оборота.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) (в ред. от 16 декабря 2019 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Федеральный закон «О защите конкуренции» от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ (в ред. от 27 декабря 2019 г.) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (часть 1). Ст. 3434.
3. Решение Арбитражного суда города Москвы по делу № А40-14800/14 от 24 июня 2014 года // СПС «Электронное правосудие» (дата обращения: 10.01.2020).
4. Постановление Арбитражного суда Московского округа по делу № А40-14800/14 от 24 февраля 2015 года // СПС «Электронное правосудие» (дата обращения: 10.01.2020).
5. Определение Верховного Суда Российской Федерации по делу № 123-ПЭК16 от 10 мая 2016 года // СПС «Электронное правосудие» (дата обращения: 10.01.2020).
6. Российская газета. 2016. 4 апреля. № 70.
7. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / Отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: Статут, 2017. 1120 с.
8. Решение Арбитражного суда г. Москвы по делу № А40-31079/2014 от 16 декабря 2014 г. // СПС «Электронное правосудие» (дата обращения: 15.01.2020).
9. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда по делу № А40-31079/2014 от

12 марта 2015 г. // СПС «Электронное правосудие» (дата обращения: 15.01.2020).

10. Постановление Суда по интеллектуальным правам по делу № А40-31079/2014 от 11 июня 2015 г. // СПС «Электронное правосудие» (дата обращения: 15.01.2020).

11. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ по делу № А40-31079/2014 от 24 февраля 2016 года № 305-ЭС15-9673 // СПС «Электронное правосудие» (дата обращения: 15.01.2020).

12. Решение Арбитражного суда г. Москвы по делу № А40-31079/2014 от 5 июля 2016 г. // СПС «Электронное правосудие» (дата обращения: 15.01.2020).

13. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2015. № 140.

14. Федеральный закон «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской

Федерации» от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 10. Ст. 1412.

15. Решение Арбитражного суда г. Москвы по делу № А40-171174/15 от 9 декабря 2015 г. // СПС «Электронное правосудие» (дата обращения: 19.01.2020).

16. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда по делу № А40-171174/15 от 25 февраля 2016 г. // СПС «Электронное правосудие» (дата обращения: 19.01.2020).

17. Постановление Арбитражного суда Московского округа по делу № А40-171174/15 от 27 июля 2016 г. // СПС «Электронное правосудие» (дата обращения: 19.01.2020).

18. Решение арбитражного суда Московской области по делу № А41-57142/15 от 27 июля 2016 г. // СПС «Электронное правосудие» (дата обращения: 23.01.2020).

19. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ по делу № А71-10520/2014 от 3 марта 2016 г. № 309-ЭС15-13936 // СПС «Электронное правосудие» (дата обращения: 27.01.2020).

LOST PROFIT RECOVERY IN BUSINESS ACTIVITIES: CASE LAW APPROACHES

N.E. Sosipatrova, O.V. Korableva

As far as recovery of the lost profit is concerned, especially the issues of determining its amount and finding out causal relationship between the infringement and the damages, the case law is contradictory and unstable. Regardless of amendments to Article 393 of the Civil Code of the RF and its interpretation provided by the Supreme Court of the RF, aimed at facilitation of the lost profit recovery, certain courts still raise unreasonably high the standard of proof of the claimant's non-earned income and calculation of its amount. The article presents an analysis of recent years' case law, which reflects the new approach to the lost profit recovery as well as previously traditional judges' position on this type of disputes. The authors come to a conclusion that requirement of absolute credibility in proving the lost profit neither complies with the official Supreme Court's position nor contributes to stability of the civil commerce.

Keywords: lost profit, causal connection, amount of the lost profit, standard of proof, rational degree of credibility.

References

1. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya) (v red. ot 16 dekabrya 2019 g.) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 1994. № 32. St. 3301.

2. Federal'nyj zakon «O zashchite konkurencii» ot 26 iyulya 2006 g. № 135-FZ (v red. ot 27 dekabrya 2019 g.) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2006. № 31 (chast' 1). St. 3434.

3. Reshenie Arbitrazhnogo suda goroda Moskvy po delu № А40-14800/14 ot 24 iyunya 2014 goda // SPS «Elektronnoe pravosudie» (data obrashcheniya: 10.01.2020).

4. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga po delu № А40-14800/14 ot 24 fevralya 2015 goda // SPS «Elektronnoe pravosudie» (data obrashcheniya: 10.01.2020).

5. Opredelenie Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii po delu № 123-PEK16 ot 10 maya 2016 goda // SPS «Elektronnoe pravosudie» (data obrashcheniya: 10.01.2020).

6. Rossijskaya gazeta. 2016. 4 aprelya. № 70.

7. Dogovornoe i obyazatel'stvennoe pravo (obshchaya chast'): postatejnyj kommentarij k stat'yam 307–453 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii / Otv. red. A.G. Karapetov. M.: Statut, 2017. 1120 s.

8. Reshenie Arbitrazhnogo suda g. Moskvy po delu № А40-31079/2014 ot 16 dekabrya 2014 g. // SPS «Elektronnoe pravosudie» (data obrashcheniya: 15.01.2020).

9. Postanovlenie Devyatogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda po delu № А40-31079/2014 ot 12 marta 2015 g. // SPS «Elektronnoe pravosudie» (data obrashcheniya: 15.01.2020).

10. Postanovlenie Suda po intellektual'nym pravam po delu № А40-31079/2014 ot 11 iyunya 2015 g. // SPS «Elektronnoe pravosudie» (data obrashcheniya: 15.01.2020).

11. Opredelenie Sudebnoj kollegii po ekonomicheskim sporam Verhovnogo Suda RF po delu № А40-31079/2014 ot 24 fevralya 2016 goda № 305-ES15-9673 // SPS «Elektronnoe pravosudie» (data obrashcheniya: 15.01.2020).

12. Reshenie Arbitrazhnogo suda g. Moskvy po delu № А40-31079/2014 ot 5 iyulya 2016 g. // SPS «Elektronnoe pravosudie» (data obrashcheniya: 15.01.2020).

13. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo suda RF ot 23 iyunya 2015 g. № 25 «O primeneniі sudami nekotoryh položzenij razdela I chasti pervoj Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii» // Rossijskaya gazeta. 2015. № 140.
14. Federal'nyj zakon «O vnesenii izmenenij v chast' pervuyu Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii» ot 8 marta 2015 g. № 42-FZ // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2015. № 10. St. 1412.
15. Reshenie Arbitrazhnogo suda g. Moskvy po delu № A40-171174/15 ot 9 dekabrya 2015 g. // SPS «Elektronnoe pravosudie» (data obrashcheniya: 19.01.2020).
16. Postanovlenie Devyatogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda po delu № A40-171174/15 ot 25 fevralya 2016 g. // SPS «Elektronnoe pravosudie» (data obrashcheniya: 19.01.2020).
17. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga po delu № A40-171174/15 ot 27 iyulya 2016 g. // SPS «Elektronnoe pravosudie» (data obrashcheniya: 19.01.2020).
18. Reshenie arbitrazhnogo suda Moskovskoj oblasti po delu № A41-57142/15 ot 27 iyulya 2016 g. // SPS «Elektronnoe pravosudie» (data obrashcheniya: 23.01.2020).
19. Opređenje Sudebnoj kollegii po ekonomicheskim sporam Verhovnogo Suda RF po delu № A71-10520/2014 ot 3 marta 2016 g. № 309-ES15-13936 // SPS «Elektronnoe pravosudie» (data obrashcheniya: 27.01.2020).